

C. КОРНЕВ

ЗАПАДНЫЙ ПОСТМОДЕРНИЗМ И ВОСТОЧНЫЙ ПОСТМОДЕРНИЗМ¹

Автор акцентирует внимание на постмодерне Востока. То, что на Западе является саморазрушением, на Востоке выглядит как освобождение и возвращение к себе. Разрушение чужого и пробуждение своего – это две стороны одного и того же процесса. Восточным культурам, в том числе и русской, постмодернистская деконструкция не страшна, потому что они, в отличие от Запада, еще живые культуры, «сохраняют глубинное Единство Воли» (с. 4). Получается своего рода формальный *парадокс*: в эпоху постмодерна разрушение целостности, деструкция и фрагментация одной культуры (западной) позволяет всем остальным культурам, ранее подавлявшимся, наконец-то обрести эту целостность: избавиться от искусственного расчленения на сектора, фрагменты и принять свою исконную форму.

Чтобы понять, как логика может скрываться под маской бессмыслицы, игры в абсурд, автор обращается к феномену дзэнского коана.

Коан – это попытка закрепить в форме предания непосредственную практику великих дзэнских учителей эпохи Тан, которые вели своих учеников непосредственно к просветлению, минуя множество промежуточных этапов. В дзэне, как синтезе буддизма и даосизма, эта практика сыграла роль «восточного постмодернизма», стала орудием природной южно-китайской духовности, взломавшим

¹ Корнев С. ТРАНСГРЕССИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: Посвящение в постмодерн-фундаментализм. – Часть 3: Западный постмодернизм и восточный постмодернизм. Постмодерн как оружие против постмодерна. – Режим доступа: http://kitezh.onego.ru/trans_3.htm; страницы этого источника указываются в тексте реферата (в скобках).

принесенное из Индии застарелое догматическое учение. Дзэнский коан, закрепляющий эту духовную практику в форме текста, внешне выглядит, как игра – абсурдные реплики, импульсивные иррациональные поступки, крики, удары палкой и т.п. Однако выясняется, что это – единственный способ указать на действительно серьезное.

Логика коана – это логика абсурда, взламывающая привычные нормы здравого смысла, застарелый лед «нормальной иррациональности», а затем, «балансируя на этих обломках», она ведет человека к просветлению.

Восточная логика много дает русской культуре. Балансирование на грани игры и серьезности, фрагментарность, недоговоренность, невысказанность слова, призыв скорее к раздумью, чем к пониманию какого-то определенного смысла – все это может быть полезным прежде всего русскому мышлению, еще не устоявшемуся в своей «самости».

С логикой коана С. Корнев сравнивает ход мыслей в романах Достоевского. И тут, и там идет нагромождение внешне рациональных действий, реплик, монологов, каждый из которых, будучи взят сам по себе, является вроде бы логичным и рациональным – но собранные вместе, они образуют «каннигирующую взрывчатую смесь», назначение которой – выбросить человека за пределы «здравого смысла» и «нормального мышления», взломать позитивизм и либерализм (а их Достоевский считал своими смертельными врагами). У Достоевского и дзэн-буддистов идет упражнение в логике абсурда, «в логике, которая прорывается только в разрывах и дефектах западной логики».

Вырисовывается еще одна общая черта у дзэн-буддистов и Достоевского – «техника заметания следов»¹. Дзэнское «правило хорошего тона» – не афишировать свой дзэн, сделать так, чтобы знающие поняли, а люди, еще не готовые к восприятию дзэнских истин, вообще ничего не заметили. У Достоевского это не столько сознательный прием, сколько вынужденная необходимость. Толком еще не родившаяся «русская логика» просто не может быть выражена в окостеневших категориях западной рациональности, которыми по необходимости пользуются русские. Для западного человека «логическая сумма» «Братьев Карамазовых», «Идиота», «Записок из подполья» – чистый

¹ См.: Корнев С. Восточный постмодернизм: Логика абсурда и «мышление между строк». – Режим доступа: <http://old.russ.ru/journal/kritik/98-06-16/kornev0.htm>

нуль. А для восточного человека, который способен уловить эту внутреннюю «русскую логику», «помыслить между мыслей», имеют особое значение сливающиеся между собой, взаимно аннигилирующиеся реплики и поступки героев русского писателя.

Типичные для героев Достоевского самозапутывание, самооболганные, бесконечный поток самооправдания свойственны русскому мышлению, остающемуся фрагментарным, как бы недоговоренным, недовысказанным. Нарождающаяся русская мысль кажется недовоплощенной западной, но на самом деле в ней готовится выявить себя восточная логика. Там, где западная рациональность ломается и крошится, где она вступает «в смертельную битву сама с собой» (с. 5), восточное мышление принимает наиболее адекватные ему формы. Речь идет о своего рода «надрациональной логике», которая пользуется внешне «рациональными» ходами только как вспомогательным средством. «Нормальному» западному человеку, который «мыслить между мыслей» не умеет, эта логика непонятна, зато восточный человек благодаря «прихотливому извибу восточной мысли», эту логику видит и чувствует.

С.Корнев подчеркивает, что в данном случае читатель имеет дело не с иррациональностью, не с абсурдом, не с хаосом и бессмыслицей (атрибутами западного постмодернизма), а с логикой, которая не менее строга, чем западная, но устроена иначе. Просто это *другая логика*, выходящая за очерченную Декартом плоскую западную рациональность. Подобно тому, как в логической науке кроме классической aristotelевской логики есть системы с другим набором аксиом, точно так же и в сфере духа, взятой целиком, существуют разные ментальности.

Чтобы практиковать восточную логику во времена Достоевского, когда Запад был еще на подъеме, а западная ментальность была прочной, как гранит, «нужно было родиться гением, подобным самому Достоевскому или Розанову (который тоже знал толк в “мышлении между строк” и логике абсурда)» (с. 5).

Сегодня задача крайне упростилась. Западная ментальность сама взломала себя и распалась на несвязные фрагменты, превратилась в *пастию*. И теперь природная логика Востока, логика, которая естественно живет в душе каждого восточного человека, может выстраивать эти фрагменты по своему усмотрению,

«пользоваться ими как тайным шифром», понятным только людям, обладающим тем же устройством души.

Единая Воля, когда-то стоявшая за европейской культурой, управляла ее развитием, связывала ее в единое целое, сегодня ушла. Фрагменты «беспризорной» западной культуры сегодня беззащитны перед лицом Востока, потому что Восток, в отличие от Запада, еще не растратил свою Волю, еще не полностью перелил ее в окружающий мир. Из культур Востока дилеммы *сущность/явление, знак/значение* никуда не ушли, и сегодня мы (а русских критик априорно относит к носителям восточного мышления) «можем подставить под лишенные смысловой нагрузки фрагменты чужой культуры свой Смысл, свою Сущность, свою Волю» (с. 5).

Это не просто способ обезвредить и утилизировать разлагающуюся западную ментальность, это еще и путь экспансии. С точки зрения самого постмодернизма, восточная логика, невербализуемая, не выраженная в терминах западной рациональности, *незаметна, невидна*. В принципе, этой скрытой восточной логикой можно наполнить внешне не отличимые от западных постмодернистские продукты масс-культуры, «а потомпустить их на западный рынок» (с. 6). Уже почти растерявший свою природную ментальность западный человек, поглощая продукты восточного постмодерна, будет постепенно переделываться изнутри на восточный лад. А значит, восточный постмодернизм – это еще и особая форма мессианства, это возможность вкладывать в душу восточную волю и тем самым спасти остаток западного человечества от полной духовной деградации.

Пройдет не так много времени, предсказывает С. Корнев, и под маской «западного перформанса» засветится природная логика Востока. Играя и забавляясь, западная культура ввергает мир и себя в хаос посткультуры, и тем самым даст шанс ранее подавляемым ею культурам Востока «взломать чуждую культурную логику и открыть собственные источники истины»¹.

O.B. Михайлова

¹ Корнев С. Восточный постмодернизм: Логика абсурда и «мышление между строк». – Режим доступа: <http://old.russ.ru/journal/kritik/98-06-16/kornev0.htm>